

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ

Лекции по истории античной философии. Выписки, наброски и материалы. <О Сократе>

«К слову заметим, сохранившаяся до наших дней в предании способность Сократа оставаться подолгу неподвижным в бодрственном состоянии, столь изумлявшая Шопенгауэра несовместимостью ее с гениальностью Сократа, объясняется скорее тем, что в часы неподвижности Сократ пребывал по сю сторону пограничной линии, т. е. был ничтожнейшим из детей мира. Это были именно мертвые моменты прозябания, растительного существования, сонного бытия, почему им и соответствовала неподвижность камня. Такие часы вообще свойственны и весьма длительны у большинства людей, но их контраст с более светлыми и подвижными переживаниями у гениальных людей делает эти остановки особенно заметными у выдающихся людей, что и отмечено с изумительной яркостью в приведенном творении [“Пока не требует поэта...”] великого Пушкина».

Л. Н. — Этюды (Метафизические, психологические и критические заметки. Петроград, 1915, СХI, стр. 214.

Сократ открывает для философии человека, и все внимание его устремляется на постижение этого нового начала философствования. Он замыкается в городе, и даже за стены города такого небольшого, каким были Афины, редко имеет досуг и интерес выглянуть. Вот характерный разговор между Сократом и Федром: «Ты, Сократ, по-моему, удивительный чудак, — говорит Федр, когда они вместе вышли за город прочесть речь Лисия. — Послушать тебя, ты как будто в этих местах чужой, а не свой. Ты, кажется, не отлучаешься от города не только в чужие пределы, но даже не выходишь и за стены. — Извини меня, мой дорогой! Я человек любознательный, а поля и деревья не желают меня ничему учить, но люди в городе» (Phaedr. 230, C–D. — Гиляров, Источники о софистах, стр. 113, прим. 151). «Люди в городе» нужны больше всего для того, чтобы диалек-

тикой извлекать истину для их души и из своей (см. Гиляров. id., стр. 50, 105).

1915. II.21. Санитарный поезд.

1) Для лекции о Сократе выписать из **Платона** и **Ксенофонта** о безобразии Сократа.

2) Сократ как существо, в коем очень ярко выражено и индивидуальное, и общее начало, т.е. род, γένος и вид, εἶδος и сущность и лицо — и οὐσία и υὑστασις.

Родовое в нем:

а) физиологическое (способность пить, эрос, крепкое здоровье, способность все переносить, две жены...),

б) животно-магнетическое (влияние на учеников, мистика),

в) социальное (привязанность к установленному быту, законам, религии, — не революционный характер).

Все это может быть названо «**розановским**» в нем, поскольку именно В. В. Розанов — философ родового начала.

Индивидуальное в нем:

а) в уме (его логичность, искание твердых оснований и прочных доказательств строгого анализа.),

б) в чувстве (не поддается влияниям, тверд в своих настроениях, не подлежит психологии толпы),

в) в воле (настойчивость, способность твердо ставить цели и прочно идти к ним).

Все это м<ожет> б<ыть> названо «**кантовским**» в нем, поскольку именно Кант — философ индивидуального начала.

У софистов — отрешенность от рода ведет к **слабости** личности. Личность **отвлеченно индивидуальная** делается бессильной, не творческой. Индивидуальному нечего сдерживать в рамках обособления, — в личности нет высокого потенциала, она вся лишь условная схема, условный геометрический очерк жизни, а не центр ее.

3) Идеализм как противоположность софистике основывается на открытии человека, т. е. человеческого общества, πόλις'а. Но общество дано в своих членах, кои и индивидуальны (как **члены** общества), и родовиты (как члены **общества**). Член общества есть существо символическое, ибо он — больше того, чем есть он, он не только ἴν, но и πολλά, и παν. Он — узел противоречий, ибо в нем единство сочетается с множеством, свобода с νόμος'ом, дерзновение с подчинением, критика с подчинением традиции, — одним словом, жизнь рода с жизнью лица.

Отсюда понятно, какую необычайную значительность получает крупная **личность** Сократа в истории идеализма именно тем, что в нем в величайшей степени сочетается и то, и другое начало человека, и **родовое**, и **особливое**. Идеализм течет из Сократа именно потому, что он

есть в основе своей самопознание Сократа, и сократовское γνῶθι σαυτον имеет значение прежде всего не общее, а частное — применительно к Сократу. Если угодно, открытие Сократа (gen. subj.) заключалось в открытии Сократа (gen. object).

1912. IX.29 Серг<иев> Пос<ад>

Софисты. Разлож<ение> знания, обращение к субъективности. Πάντων χρημάτων (Протагор). Можно было дойти до глубины субъективн<ости> и открыть там бытие прочное, онтологическое. Софисты были серединны, а этим филос<офски> сомнительны.

Сократ. + 471–470 Аф<ины>, скульптура, занятие филос<офией>, участие в войнах, храбрость, звание притана против толпы в деле аргинусских полководцев, в 399 + «за введение нов<ых> богов и совращение юношества» (раздражение и <нрзб.> у аристократов, <нрзб.> от первых аристократов до новых демократов).

Характер его. Что откуда? Ч<елове>ка, его разум. Γνῶθι σαυτον. Помимо содержания, познание есть и самое знание, как особая, несравнимая со своим содержанием деятельность. Надо обратиться к ч<елове>ку — в его прочном бытии, в его истине, в его сущности. Необходима η επιστήμη, достоверность. В каждой вещи надо отыскать τί ἐστι, что она есть. Это дается **определением**. Вырабатывать индукцию. **Индукция** наведена, наводит и устанавливает общ<ие> понятия. От человека **сократич<еский> метод**. Разговор (διάλογος). Знание не убеждает, но оно изнутри. Знач<ит>, надо искать его. Возникают мнимые знания, как их отбрасывать (примеры равно и открывают наведение и затемняют, ирония: первый шаг к θεολογία αλοφατική, via negatimo). **Маэвтика.** Истина д<олжна> родиться в сознании философа. Αυτου τινος ἐξ φιλοσοφίας. Φιλοσ<οφια> = ἐξέταξις σαυτου τε και των άλλων. Ирония — обратная сторона индукции, над ними эрос, их обоих движущий. **Цель** τέλος и пригодность к цели — ἀρετή. Добродетель становится проблемой. Надо знать τέλος; это <нрзб.> на θρόνησις. «Никто сознательно не поступает дурно»². Эвдемонизм. Благое здоровье исцеления, способств<ующее> развитию.

В основе мысли мистика. δαμόνιον ἔρωσ. <... >

